

Россия и Европа: опорные точки для ведения диалога

© Якунин В. И.

© Yakunin V.

Россия и Европа: опорные точки для ведения диалога

Russia and Europe: basic points for holding a dialogue

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние отношений между Европой и Россией, анализируется ряд фундаментальных факторов, определяющих траекторию развития партнерства России и Европы и являющихся источником сложившегося взаимного непонимания. Автор указывает, что, несмотря на данное непонимание, современная геополитическая ситуация заставляет и Россию, и Европу размышлять не просто о перспективах сотрудничества, а о последствиях отсутствия между ними диалога и опорных точек для ведения диалога.

Annotation. The article deals with the modern status of the relations between Europe and Russia and contains an analysis of the fundamental factors which determine the course of the development of the partnership between Russia and Europe and are the source of the existing misunderstanding. The author points out that despite this misunderstanding modern geopolitical situation makes both Russia and Europe to consider not only the perspectives of cooperation but also the consequences of the absence of a dialogue between them and the absence of the basic points for holding such a dialogue.

Ключевые слова. Европа, Россия, США, НАТО, международные отношения, внешняя политика.

Key words. Europe, Russia, USA, NATO, international relations, foreign policy.

Современные отношения России и Европы характеризуются затяжным кризисом, связанным с изменением позиционирования России в мировом пространстве. Выстраиваемое на протяжении нескольких десятилетий «стратегическое партнерство» сменилось замораживанием отношений как реакцией на события 2014–2015 гг., в которых Россия непривычно для западного мира оказалась в эпицентре как игрок, отстаивающий свои геополитические интересы. Россия за долгие годы внешнеполитического молчания взяла курс на коренное изменение своих места и роли в мировом пространстве с целью избавиться от неформального статуса «догоняющей периферии» Запада [21].

Вместе с тем одномоментное ослабление международных механизмов сотрудничества России и ЕС является одним из наиболее серьезных последствий внешнеполитических событий последних лет. Многие годы совместной, пусть и не всегда последовательной работы по

выстраиванию партнерских отношений, укреплению экономических связей, культурного взаимодействия сменились ситуацией взаимного непонимания. Как следствие, непонимание усиливает страхи сторон в отношении друг друга, повышает роль психологических, иррациональных мотивов в оценке потенциальных опасностей и угроз в контексте многовековых отношений, наполненных как открытыми военными конфликтами, так и скрытыми дипломатическими интригами [30].

Современную ситуацию обострения подозрительности и отчуждения России и Европы нельзя назвать новой или непрогнозируемой, отношения между сторонами на протяжении последних десятилетий развивались с разной степенью интенсивности и нередко находились в состоянии стагнации. Локомотивом развития партнерских отношений между Россией и ЕС на протяжении многих лет была экономика. Периоды стагнации обуславливались внешнеполитическими противоречиями между Москвой и Брюсселем, различиями в понимании пределов продвижения партнерами своих геополитических интересов. На текущий момент внешнеполитические противоречия привели к необходимости форматирования отношений с учетом вызовов, угрожающих усилением конфронтации.

В качестве вызовов следует принять во внимание ряд фундаментальных факторов, определяющих траекторию развития партнерства России и Европы и являющихся источником сложившегося взаимного непонимания. Среди них — идеологический фактор, являющийся причиной и источником обид и подозрительности сторон; фактор ЕС как единого европейского проекта, фиксирующий его внутриорганизационные дисфункции, усложняющие формирование эффективных экономических и политических связей с Россией; фактор «Восточного партнерства», приведший к деградации отношений России и ЕС и к украинскому кризису; фактор США и НАТО, ослабляющий внешнеполитическую самостоятельность ЕС и подталкивающий к конфронтации с Москвой.

Идеологический фактор

Кризис непонимания между Россией и Европой возникает как результат действия субъективных факторов, которые на современном этапе отношений приобрели серьезную значимость. В качестве важнейшего субъективного фактора следует обратить внимание на продолжающийся процесс формирования Россией политической идентичности после распада СССР и утраты страной позиции глобальной сверхдержавы. Эти события сопровождалась крахом коммунистической идеологии и погружением политической элиты и всего российского общества в идеологический вакуум, серьезно затруднивший политическое самоопределение и выбор модели национального развития.

Европа, движимая идеями постоянной экспансии, предложила России свою модель политико-экономического развития, основанную на либеральных ценностях, будучи уверенной в ее привлекательности на примере других стран. Эта идеологическая модель, вступив в противоре-

чие с патерналистскими ценностями, воспроизводимыми многие века, породила состояние аномии российского общества, а также непрекращающуюся до сих пор дискуссию о ценностной несовместимости России и Запада.

Парадигма противостояния России и Запада оформилась еще в XIX в. после наполеоновских войн и имеет, по мнению Ю. Левады, все признаки социального мифа [10]. В современной интерпретации он стал основой для популярного геополитического аргумента «Россия — осажденная крепость», акцентирующего идею необходимости защищаться от внешних врагов, покушающихся на территорию и богатые природные ресурсы страны.

Подобная позиция России в отношении Европы и западного мира в целом не лишена прежде всего аффективных оснований [4]. Враждебные эмоции в отношении Европы внушались поколениям советских граждан в довоенный и послевоенный период. Крушение СССР не купировало конфронтационных стереотипов большинства населения России. Большинство даже в период наивысшей популярности европейских ценностей и образа жизни резко высказывалось в опросах общественного мнения о роли западных стран во внутри- и внешнеполитической жизни России. По данным опроса Левада-Центра в 2016 г., 62% опрошенных плохо относятся к Европейскому союзу и полагают, что большинство развитых стран сейчас относятся к России как к конкуренту (42%), врагу (30%), но не как к партнеру (15%) или другу (5%) [13]. Справедливости ради надо отметить, что это не совсем верно: в «старых» европейских странах (Германия, Франция, Италия) существует устойчивое позитивно настроенное к России сообщество, составляющее до четверти населения [26].

Присущие русской политической культуре ценности и ориентации, несмотря на многолетние призывы сторонников западного пути развития стать частью Европы, войти в состав европейской цивилизации, забыть об ошибках прошлого и безоговорочно принять ценности победившей либеральной идеологии, сдержали безоглядное движение страны по пути культурной вестернизации. Уже в конце 1990-х гг. стало очевидно, что россияне «рассматривают свою страну в качестве особого политического и национально-культурного образования, занимающего промежуточное положение между Западом и Востоком» [17].

На сегодняшний день Россия прошла сложный путь формирования политической и экономической структуры государства, российское общество выходит из состояния аномии, порожденной разочарованием людей в своей западной идеологической «неформатности». По оценке А. Цыганкова, с 2012 г. президент В. Путин сформулировал новое видение России как «государства-цивилизации» со своими интересами и ценностями с целью компенсировать слабости кооперативной, западно-ориентированной стратегии, получения стратегических преимуществ от усиления позиций незападных политических игроков [32].

Разочарование европейского политического истеблишмента в перспективах развития России по западной траектории усиливается мно-

голетними фобиями, порожденными еще архитекторами «холодной войны». Демонстрируя готовность к сотрудничеству и выстраиванию стратегического партнерства, европейские политики придерживаются мнения о том, что Россия несет ответственность за раскол Европы, который до сих пор не удается преодолеть, сохраняет имперские амбиции и движется по пути строительства государственного капитализма, усиления роли бюрократии, а не представительных начал демократии, не борется с криминализацией экономики и коррупцией. Руководствуясь приматом политических ценностей, Европа не видит в России адепта демократии и, как следствие, своего полноправного партнера, что делает возможной ее экспансию на восточном направлении без учета интересов Москвы. Идеологические противоречия превращают стороны в конкурентов и обостряют у россиян и политической элиты страны многовековой синдром «осажденной крепости».

Руководствуясь приматом политических ценностей, Европа не видит в России адепта демократии и, как следствие, своего полноправного партнера, что делает возможной ее экспансию на восточном направлении без учета интересов Москвы.

Таким образом, желание Европы переформатировать российскую экономику, политику и социум под свои представления о политическом, экономическом и социальном идеалах, при этом удерживая ее на расстоянии и отводя ей периферийные позиции «укрощенного» участника мирового процесса, взаимодействуя в формате «диалога ценностей», а не «диалога интересов», умножается на психологические особенности российского общества, очень чувствительного в отношении даже самых слабых сигналов враждебности, отчужденности, пренебрежения со стороны Европы. Это приводит в итоге к негативному перелому в восприятии Россией и Европой друг друга, усилению консервативных тенденций в России и позиций политиков, выступающих за изоляцию России в Европе. В западном мире укрепляется образ России как страны, активно сдерживающей, противостоящей демократизации для сохранения авторитарной политической системы [27].

Обоюдные разочарования и обманутые ожидания не в последнюю очередь связаны с позицией новой российской политической элиты, на плечи которой лег весь груз ответственности за проведение политических и экономических реформ. Ее система ценностей, степень консолидации, волевые качества определяют повестку дня национального развития. В 1990-е гг. на смену советской номенклатуре пришла новая

политическая элита, ориентированная на включение России в мировые политические и экономические процессы при тотальном дефиците ресурсов и отсутствии управленческого потенциала для продвижения по либерально-демократическому пути, предложенному Европой.

Особенностями первой постсоветской элиты стали, во-первых, ее открытость Западу и готовность некритически и на любых условиях принять все виды помощи, в том числе и идеологической; во-вторых, высокий уровень ее фрагментации, вызванный отсутствием единства ценностей и предопределивший отсутствие на протяжении длительного времени консенсуса элит, необходимого для модернизации страны. По оценке Б. И. Макаренко, постсоветская элита в России испытывала страх утраты личной безопасности, передела властно-собственнических отношений, что побуждало ее к поиску консенсуса лишь в кризисных ситуациях на непродолжительный срок и при невысоком уровне доверия друг к другу [12].

В-третьих, постсоветская элита не принимала в расчет особенности политической культуры российского общества, не предпринимала попыток сгладить аномию, что сформировало ценностный раскол между элитами и рядовыми гражданами.

В 2000-е гг., когда состав политической элиты существенным образом изменился, руководством страны акцентировалась необходимость интеграции с Европой, в дискурсе отсутствовала антизападная риторика, предпринимались попытки продвижения позиции России на основе развития сотрудничества. Однако в этот период противоречия со всей очевидностью проявились после череды «цветных революций» на постсоветском пространстве. Россия продемонстрировала, что полна решимости создать сильное государство, консолидированное, независимое и равноправное в международных отношениях на основе специфических культурно-исторических, этнических, системообразующих традиций и ценностей, чтобы самостоятельно определять внутреннее развитие страны [24]. Россия с середины 2000-х уверенно преодолевает элитарный инфантилизм 1990-х гг. и готова формулировать и отстаивать национальные интересы как самостоятельный актор мировой политики.

Фактор Европейского союза

Несовместимость политических ценностей дополняется различиями в организационной природе стратегических партнеров. Россия представляет собой централизованное государство на основе президентской вертикали власти. ЕС является типичной сетевой структурой, в которой отсутствует единый актор, определяющий повестку дня и осуществляющий координацию иерархической структуры. По сути, ЕС — это «сеть национальных и наднациональных регуляторных учреждений, объединенных общими ценностями, а также общими стилями формулирования политики» [31].

За десятилетия развития ЕС состоялся как наднациональная организация, объединяющая 28 государств (в июне 2016 г. граждане Велико-

британии на референдуме проголосовали за выход из ЕС, однако в настоящее время формально страна еще остается членом Союза), но испытывающая ряд серьезных интеграционных проблем, осложняющих в том числе и выстраивание стратегического партнерства с Россией. Прежде всего, среди стран-членов до сих пор отсутствует единство в вопросе о природе евроинтеграции: какой мотив является ключевым — экономический или политический.

В политическом плане преодолеть разнородность стран-членов до сих пор не удастся, «углубление» ЕС осложняется его расширением. После распада СССР перед ЕС открылись новые возможности по расширению своих границ и зоны политического влияния. С 2004-го по 2013 г. в состав ЕС вошли 13 стран, это «мегарасширение привнесло в ЕС невиданную ранее пестроту и неоднородность» [15]. Дж. Скотт обращает внимание на усилившуюся угрозу раскола ЕС по линиям «запад—восток» и «север—юг», а также необходимость разработки политики взаимодействия с европейскими государствами, не являющимися участниками ЕС [28].

Фактическое удвоение ЕС обострило противоречия внутри наднациональной организации, т. к. уровень социально-экономического развития новых участников был и остается ниже аналогичного уровня развития стран, составляющих «ядро» ЕС. Кроме того, странам, освободившимся от разной степени советского доминирования, сложно смириться с необходимостью передать часть вновь обретенных политических полномочий на наднациональный уровень.

Во внешнеполитическом пространстве ЕС позиционируется как самостоятельный игрок наравне с другими государствами. По мнению экспертов, индивидуальное участие отдельных стран-членов в международных делах представляет собой нежизнеспособную альтернативу участию ЕС как региональной организации. Франция, Великобритания и Германия, несмотря на свои великодержавные амбиции, — державы среднего уровня, которые не являются единоличными региональными лидерами [14]. Вместе с тем мнения европейских политиков сильно расходятся в вопросе позиционирования ЕС на мировой арене, что затрудняет, в частности, выстраивание отношений с Россией.

С одной стороны, страны-члены заинтересованы в позиционировании ЕС вовне как коллективного представительства Европы, с другой — желают развивать двухсторонние контакты по различным стратегическим направлениям, находящимся в компетенции государств-членов. Ситуация осложняется тем, что страны-члены отличаются друг от друга по политическому влиянию, определяемому их ресурсными возможностями, поэтому внутри ЕС как сети существует немало институциональных и неформальных объединений стран, продвигающих свои узкогрупповые интересы внутри и за счет наднациональной организации. Так, в силу объективных причин многие стратегические вопросы в ЕС решаются «большой четверкой» (Франция, Германия, Великобритания, Италия).

В отношениях с Россией в ЕС всегда преобладали двусторонние отношения с отдельными странами-членами по различным направлениям

взаимодействия (инвестиции, внешнеэкономические проекты в высокотехнологических и инновационных секторах). В современных условиях на смену двусторонним отношениям пришел ЕС как коллективный международный актор, поддержавший политику США по установлению режима экономических санкций в 2014—2015 гг.

Однако и в вопросе продления санкций в отношении России дает о себе знать разнородность ЕС. Хотя, по словам Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, «Европейский союз был, есть и будет единым» [23], после наложения санкций даже традиционно антироссийски настроенные страны разделились на активных сторонников санкций вне зависимости от наносимого им самим ущерба (Польша, Болгария, Румыния, страны Балтии) и скептиков, высказывающих опасения, что санкции вредят торгово-экономическим интересам и обостряют международную политическую обстановку (Словения, Венгрия и Словакия) [20].

Нет сомнения в том, что в Брюсселе прекрасно понимают, что без участия России как равноправного актора невозможно решать многие серьезные проблемы (например, борьбы с терроризмом), что Россия в силу своего уникального геополитического положения к Европе гораздо ближе, чем США, что Россия обладает авторитетом и влиянием в ряде стран и регионов и может выступать посредником в их диалоге с Европой и решении актуальных задач безопасности. Современная ситуация доказывает, что ЕС как коллективный актор воспринимает Россию как периферию, актуализируя свои разочарования, связанные с ее отказом от европейской экономической и политической модели национального развития. Однако на уровне двусторонних отношений, сквозь призму конкретных интересов, ЕС не отказывается от сближения и готов искать пути выработки совместной повестки дня. Примером тому служит попытка урегулирования кризиса на юго-востоке Украины при посредничестве Франции и Германии.

Фактор «Восточного партнерства»

Ошибочно утверждать, что взаимное непонимание между Россией и ЕС проявилось лишь в 2014—2015 гг., и одновременно вскрылись все обиды и претензии сторон друг к другу. Противостояние началось уже с первых попыток выстраивания отношений с постсоветской Россией и протекало в латентной форме в рамках не всегда простого согласования позиций по актуальным направлениям международных отношений. Оценивая эти процессы с современных позиций, можно говорить о медленной деградации российско-европейских отношений, апогеем которой стал проект «Восточного партнерства», детонировавший в кризис на Украине и приведший в итоге к конфронтации России и Европы.

Россия и ЕС начали выстраивать отношения в реалиях 1990-х гг. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное в 1994 г., закрепляло общие цели и ценности сторон, принципы и институты сотрудничества, ведущие Россию и ЕС к сближению. Несмотря на идеологическую

открытость России Европе в 1990-е гг., к 2000-м у сторон накопились друг к другу серьезные претензии, заставившие впоследствии двигаться в более прагматическом русле. Так, отношения были осложнены конфликтами на Балканах и в Чечне. Болезненной темой стала проблема расширения НАТО, по которой ЕС четко заявлял об отсутствии планов по развитию в Европе альтернативной НАТО системы безопасности, в то время как Россия считала и продолжает считать расширение НАТО неприемлемым.

В 1999 г. были подписаны новые документы, дополняющие уже действующее Соглашение. В процессе их согласования между Россией и ЕС четко проявились линии размежеваний. Прежде всего, стороны не согласились с приоритетными направлениями развития сотрудничества: ЕС ставил во главу угла демократизацию России, Россия — безопасность, что привело к серьезному сужению задач по дальнейшему взаимодействию.

Кроме того, Россия заявила о своих амбициях в пространстве СНГ, но не встретила поддержки со стороны ЕС, проигнорировавшего этот внешнеполитический вектор, что дало повод предполагать существование планов по проведению автономной политики в этом направлении, игнорируя позицию России. Россия придерживалась идеи недопущения ЕС в «пространство СНГ» и формирования им особых отношений со странами-членами [8].

Несмотря на возникшие расхождения, в начале 2000-х гг. отношения между Россией и ЕС стабилизировались, расширилась повестка дня, в которую вошли вопросы борьбы с международным терроризмом, содействия российским реформам, развития отношений в области энергетики. Этот период был прерван в 2004—2005 гг., когда ЕС совершил одномоментное расширение, приняв в своей состав десять новых членов, в нескольких постсоветских странах произошли «цветные революции» (Грузия, Украина, Киргизия), обострились российско-украинские отношения.

Политики ЕС интерпретировали постоянно возникающие проблемы и препятствия на пути выстраивания отношений сотрудничества и партнерства как результат действий России, выступающей в роли конкурента и соперника ЕС. Россия обвиняла ЕС в политике «двойных стандартов», практикуемой им в целях реализации единоличной стратегии в ущерб партнерству. Давние фобии стран—членов ЕС проявились в этой ситуации в полном объеме, действия России трактовались как проявление имперских амбиций в отношении стран постсоветского пространства, заложницей которых могла оказаться Европа. Очевидно, что требовался пересмотр формулы сотрудничества.

Обострение напряженности между Россией и ЕС, ставшее первым шагом к современной конфронтации, произошло в 2006—2008 гг., когда страны—члены ЕС, Польша и Литва, поочередно наложили вето на начало ведения переговоров о новом фундаментальном соглашении между Россией и ЕС. Через некоторое время, в 2009 г., на саммите в Праге была принята Декларация о «Восточном партнерстве».

Целью было удержание на определенном обозримом расстоянии стран, заинтересованных в будущем во вступлении в ЕС, на основе традиционного для Евросоюза принципа кондициональности [7]. По данным Д. Офицера-Бельского, ЕС запланировал выделить на развитие партнерства в 2010—2013 гг. Украине — 526 млн евро, Молдавии — 366,6 млн, Грузии — 239,9 млн, Армении — 186,6 млн, Азербайджану — 852,5 млн, Белоруссии — 73,1 млн евро [16].

В этот период произошли события, заставившие ЕС, используя формат ассоциации, двигаться в восточном направлении. Так, расширения 2004 и 2007 гг. поставили ЕС перед необходимостью урегулирования отношений со странами-соседями. Мировой экономический кризис 2008 г. и последовавшая за ним экономическая стагнация заставили Евросоюз думать о расширении рынков сбыта европейских товаров. Вооруженный конфликт в Грузии в 2008 г. при активном участии России придал уверенности европейским политиками в уместности продвижения данного проекта. Поддержка «Восточного партнерства» укрепились на фоне газового конфликта России и Украины 2009 г. и возникшей в связи с ним угрозы транспортировки энергоносителей через территорию Белоруссии.

Российское экспертное сообщество и дипломатия небезосновательно склонны видеть за официальными целями европейцев прагматический геополитический интерес. А. А. Сергунин обобщает весь спектр позиций по этому вопросу:

- создание альтернативных путей энергоснабжения Европы, что отвечает ее стремлению избежать энергозависимости от России;
- опасения в отношении Украины как страны, обеспечивающей транзит газа странам-членам ЕС;
- опасения, что Россия может использовать энергетическую дипломатию для давления на страны ЕС с антироссийским креном во внешней политике (Польша, страны Балтии);
- стремление подорвать геополитическое влияние России в Восточной Европе и укрепить позиции ЕС;
- стремление дезинтегрировать постсоветское пространство и вывести страны СНГ из-под влияния России;
- вернуть калининградский вопрос в двустороннюю повестку дня Россия—ЕС для обсуждения на выгодных для Брюсселя условиях (включение Калининградской области в проекты по линии «Восточного партнерства») [19].

Соглашение об ассоциации не открывает Украине двери в ЕС, причиной чему является объективная экономическая слабость страны, а также нежелательность перегруппировки политических сил внутри Союза. Полноправное членство Украины в ЕС усилит позиции восточного крыла (страны Балтии и ЦВЕ) и ослабит позиции западноевропейского крыла (Франция и Германия), чье политическое влияние уже существенно подорвал «Brexit». Кроме того, велика вероятность вступления Украины в коалицию с Польшей, которая является активным проводником американских интересов в ЕС, что ослабит геополитические позиции

Союза уже в мировом масштабе и добавит нестабильности в политическую жизнь европейцев.

Для России цивилизационная переориентация Украины означает разрыв экономических и политических связей, подрыв доминирующих позиций в пространстве СНГ. После распада СССР Россия стремится к восстановлению утраченных позиций на постсоветском пространстве, рассматривая его как традиционную сферу своего внешнеполитического влияния. При этом Россия не заинтересована в конфронтации с ЕС в этом пространстве, хотя включение отдельных стран в «Восточное партнерство» неизбежно ставит вопрос о соотношении интеграционных процессов СНГ и ЕС.

Понятны резоны России, выступившей против продвижения «Восточного партнерства», однако интеграционные процессы в ЕС идут гораздо интенсивнее и последовательнее, чем в СНГ, где центробежные и центростремительные тенденции сменяют друг друга, что создает благоприятные условия для практически беспрепятственного расширения Европой зоны своего геополитического влияния.

Очевидна разница в подходах России и ЕС по привлечению новых стран в свою геополитическую орбиту. Россия при явном дефиците ценностных и концептуальных основ интеграции в большей степени полагается на краткосрочные стратегии, сопряженные с применением давления на партнеров. Эту позицию усугубляет убежденность политической элиты страны в желании ЕС подорвать авторитет России в этом регионе, обвиняя ее в империалистических устремлениях. В свою очередь, ЕС исходит из представления, что дезинтеграционные процессы в СНГ являются условием демократизации стран этого пространства и гарантией невозможности возрождения СССР [1]. Соответственно, любые попытки России выстроить модель интеграции СНГ будут трактоваться как угроза и усиливать конфронтационные установки политиков.

В начавшемся в 2014 г. политическом кризисе на Украине в полной мере проявились все накопленные за годы подозрительность и недоверие России и ЕС. С начала 2000-х гг. политическое руководство Украины балансировало между своими геополитическими соседями. Подобное поведение Украины вполне понятно и объясняется уникальностью ее геополитического положения. Интеграция Украины в ЕС позволит последнему решить не только экономические, энергетические и военно-стратегические задачи, но и отодвинет Россию от европейского пространства, установив барьер для распространения антидемократических ценностей, которые она, по мнению представителей ЕС, поддерживает и транслирует в постсоветское пространство.

В развитии украинского кризиса европейская дипломатия недвусмысленно продемонстрировала неготовность принимать исходящие от России инициативы по выстраиванию партнерских отношений в странах, находящихся в зоне общего интереса. Игнорируя объективный факт интенсивности и глубины связей между Россией и Украиной, ЕС не пригласил Россию в переговорный процесс по ассоциации, оставив без внимания неизбежные политические и экономические последст-

вия подписания этого документа для Москвы. Российская дипломатия с некоторым запозданием отреагировала на процессы европейской экспансии, но попытки включиться в переговорный процесс не привели к результатам. Стремительными темпами под напором националистических сил стала ухудшаться внутривнутриполитическая ситуация на Украине, что предопределило пророссийский выбор жителей Крыма и Севастополя, развязало гражданскую войну на юго-востоке страны. В адрес России со стороны ЕС посыпались обвинения в подрыве стабильности на Украине, аннексии Крыма, став основанием для введения санкций.

Отказ ЕС обсуждать параметры будущей ассоциации с Украиной с учетом российских интересов и опасений, нежелание рассматривать перспективы гармонизации двух интеграционных пространств (ЕС и СНГ) усилили российско-европейское соперничество за зону «общего соседства». Как пишет Х. Хауккала, в некоторой степени конфликт на Украине — «прокси-конфликт» между Россией и ЕС. Это демонстративное нежелание России искать место в однополярной ЕС-ориентированной Европе, изменение стратегии на создание множества евразийских институтов (ОДКБ, ЕврАзЭС) для ослабления позиций НАТО и ЕС [29].

Фактор США и НАТО

Выбор украинской политической элиты в пользу европейской интеграции привел к обострению ситуации внутри страны в связи с отсутствием консенсуса в обществе относительно дальнейшего развития. Этот кризис стал следствием геополитической стратегии ЕС на восточном направлении, но был усугублен США, традиционно заинтересованными в ослаблении своих геополитических конкурентов.

Украина в данном случае является не столько целью для России и ЕС, конкурирующих за включение ее в свое интеграционное пространство, сколько средством, с помощью которого будет реализован проект геополитического ослабления и Европы, и России. США видят Россию своим основным конкурентом, а Европу — союзником, младшим партнером, который возьмет на себя издержки украинского кризиса. Все чаще в политическом дискурсе и в России, и в США появляется образ новой «холодной войны», эпицентр которой находится на российской границе [6; 11]. По оценкам международного пула экспертов, нельзя исключить возможности военного конфликта между этими державами. Катастрофичность такого сценария определяет ядерный фактор (в распоряжении России и США сосредоточено 75% мировой ядерной мощи) [5].

Окончание «старой» «холодной войны» США восприняли как однозначную победу западного мира и сигнал к действию по установлению монополии в формировании глобального порядка и беспрепятственному продвижению своих национальных интересов даже в ущерб интересам своих внешнеполитических партнеров, главным из которых остается Европа. Они продолжили действовать в направлении реализации неоимперской модели, идеологи которой (З. Бжезинский) писали, что современный мир для движения в нужном направлении нуждается

в твердом управлении и даже принуждении. Как пишет Т. Шаклеина, США при разных администрациях пытались и пытаются:

— «сформулировать новую иерархическую структуру под своим контролем, препятствуя стремлению других держав (России и Китая) на свой лад структурировать международные отношения, не отказываясь от роли гегемона и верховного “регулятора”;

— предоставляют зонтик безопасности широкому кругу государств;

— стараются переложить затраты по глобальному регулированию на другие страны, которые сильно зависят от финансовой, военной и политической поддержки США;

— держат под контролем ведущие международные финансовые организации и опираются на международную роль доллара, что позволяет им оптимизировать расходы по поддержанию международного влияния;

— готовят и влияют на элиты государств, входящих в империю» [25].

Проводимая США внешняя политика обеспечила добровольное подчинение большого числа государств с неизбежной частичной или полной утратой последними суверенитета в обмен на военно-политическую и экономическую помощь Вашингтона. Придерживаясь принципа избирательности, США обеспечивают гибкость и высокий уровень адаптивности своей внешней политики. Серьезного противовеса в этих устремлениях на своем пути США не встречают, но нельзя говорить о том, что им удастся избежать публичной критики выбранной стратегии и сопротивления отдельным действиям со стороны своего главного партнера по трансатлантической солидарности — ЕС.

США и ЕС удерживают лидирующие позиции в международных отношениях по своей значимости в экономике и мировой политике. Партнерские отношения между Вашингтоном и Брюсселем основаны на разделяемых ими принципах демократии и рыночной экономики, общем историческом и культурном наследии, едином понимании источников глобальных мировых вызовов, трансатлантической солидарности в области обеспечения безопасности в рамках НАТО. Вместе с тем именно вопросы в рамках трансатлантической солидарности вызывают немало противоречий и непонимания между партнерами. Крайнее недовольство у европейских политиков вызывает неудержимое стремление США решать все проблемы международных отношений в одиночку и с помощью инструментов «жесткой силы», игнорируя нормы международного права, а также суверенитет государств, представляющих, с точки зрения американских политиков и экспертов, угрозу национальной безопасности.

Следует признать, что европейцы внесли свой вклад в такое позиционирование США в мировой политике, т. к. в контексте обострения проблемы международного терроризма после трагических событий 11 сентября 2001 г. в США Европа с пониманием отнеслась к повышению градуса агрессии во внешней политике администрации Дж. Буша-мл., рассчитывая только на американский военно-технический потенциал в купировании этой проблемы. Это позволило США взять на себя роль единоличного гаранта международной безопасности не на региональ-

ном, а на глобальном уровне и сделать впоследствии выбор в пользу создания непродолжительных международных коалиций для решения конкретных внешнеполитических задач.

Вторжение США в Ирак в 2003 г. обозначило серьезный раскол в отношениях Вашингтона и Брюсселя, продемонстрировав разницу в видении партнерами вопросов применения силы. Опыт этой операции подтвердил опасения европейцев в проведении США безосновательной военной агрессии под прикрытием борьбы с международным терроризмом. Франция и Германия выступали за активизацию переговорного процесса и решение проблемы в рамках ООН, однако их позиция была проигнорирована. Уже в 2016 г. глава независимой комиссии по расследованию причин и обстоятельств ввода британских войск в Ирак сэра Дж. Чилкот заявил о том, что вторжение в эту страну США и их союзников, в том числе и Великобритании, было основано на ошибочной разведывательной информации и экспертных оценках.

Дополнительные сложности для ЕС в формулировании независимого курса в отношениях с США создают страны ЦВЕ, вошедшие в его состав в период его беспрецедентного расширения. Они с готовностью, в отличие от стран-членов, составляющих ядро ЕС, поддерживают США, видя в них и в НАТО гарантию собственной безопасности, возможности надежно оградиться от «имперских амбиций» России.

Дискуссии о будущем НАТО идут не один год. Выдвигались радикальные идеи о том, что в новой геополитической реальности НАТО является анахронизмом, и его необходимо ликвидировать. Однако Альянс сохранился, но остался без очевидного врага, а также сохранил свои позиции проводника американских интересов в Европе. ЕС не располагает механизмами воздействия на НАТО, не обладает доступом к стратегически важной информации, что делает его не столько партнером, сколько ведомым в трансатлантическом сотрудничестве. Для усиления своих позиций ЕС необходимо инициировать процесс разграничения полномочий с США для создания возможности принимать самостоятельные решения в вопросах обеспечения безопасности. В противном случае США будут искать возможность использовать ЕС как плацдарм для продвижения силы за пределы его границ. В частности, процесс расширения НАТО сегодня является инструментом разрушения сферы влияния России в постсоветском пространстве за счет включения или угрозы включения в состав Альянса стран—участниц СНГ.

Россия категорически против того, чтобы НАТО подменяла собой общеевропейскую безопасность и продвигалась к ее границам, используя для этого интеграционные проекты ЕС. В попытке радикального сближения Украины с ЕС Россия небезосновательно высказывает опасения потенциальной возможности вступления Украины в НАТО и, соответственно, не просто ее расширения, а приближения вплотную к российским границам, получения доступа к районам, имеющим военно-экономическое значение. Обострение ситуации на Украине, не исчерпавшей себя традиционным сценарием «цветной революции», а вылившейся в военные действия правительственных войск против

ополчения на юго-востоке, позволило США и «новым» странам—членам ЕС обвинить Россию в проведении агрессивной политики в отношении Украины и наличии угрозы экспансии с ее стороны в отношении бывших республик СССР, входящих в ЕС. В результате на саммите в Варшаве 8—9 июля 2016 г. страны—члены НАТО договорились о развертывании четырех батальонов в странах Балтии на ротационной основе, запуске системы «ЕвроПРО» и усилении присутствия в Черноморском регионе.

Если ЕС изначально ставил целью экономическую интеграцию Украины, то США стремятся осуществить привычный для себя сценарий по смене режима в стране с дальнейшим отрывом ее от России. Расхождение между ними усилилось после того, как Вашингтон после переворота в 2014 г. решил взять на себя вопрос политической координации кризиса, обостряя отношения с Россией посредством ужесточения экономических санкций и перехода к более агрессивным действиям на юго-востоке Украины. Таким образом, становится очевидным, что события на Украине — это «окно возможностей» для США предотвратить развитие партнерства России и Европы.

Для США Европа важна по той причине, что они видят в интеграции с ней возможность противостоять вызовам, брошенным им в Тихоокеанском бассейне, государства которого из периферии превратились в наиболее динамично развивающееся экономическое и политическое пространство. Однако на пути интеграции США и Европы стоит Россия, российско-европейское партнерство препятствует американо-европейскому сотрудничеству в желаемом для Вашингтона направлении. В этом отношении геополитические позиции Украины и ЕС похожи: первая разрывается между Россией и Европой, последний — между США и Россией. Украинский кризис подтверждает эти предположения: в него прямо или косвенно оказались втянутыми Россия, США и ЕС, экономические санкции нанесли и продолжают наносить ущерб российской и европейской экономике, а США в этом вопросе остаются в стороне, т. к. уровень экономической интеграции между ними и Россией существенно ниже европейского. США регулярно предлагают ЕС новые совместные проекты (например, поставки сжиженного газа), полагают зашедшим слишком далеко экономическое проникновение России в ЕС, поэтому подталкивание ЕС к конфронтации с Россией — лучший способ развернуть Европу к экономическому взаимодействию с Вашингтоном. Усиление политического кризиса на Украине обеспечит втягивание России в затяжной конфликт с Западом и создаст возможность для США вынудить Европу отступить от дальнейшего развития сотрудничества с Москвой [9].

Опорные точки для ведения диалога

Современная геополитическая ситуация заставляет и Россию, и Европу размышлять не просто о перспективах сотрудничества, а о последствиях отсутствия между ними диалога и опорных точек для его ведения. Состояние «холодной войны» между США и СССР было весьма выгодно

для Вашингтона, т. к. подавляло устремления Европы к усилению своих геополитических позиций и содействовало экономическому ослаблению Москвы. В этот период сформировалась идеология геополитических угроз, исходящих от СССР, был отработан арсенал методов сдерживания и обеспечения военного доминирования в регионах, представляющих внешнеполитический интерес для США. Неудивительно, что в современных условиях для решения новых геополитических задач Вашингтон пытается использовать накопленный багаж с некоторыми модификациями для борьбы с Россией, продолжая видеть в ней потенциального мирового агрессора. В случае, если Россия не сможет преодолеть противоречия с Европой, это приведет к усилению и экономического, и политического партнерства ЕС с США и как следствие — к изоляции России, т. е., по сути, второму изданию ситуации 1945—1991 гг. Однако современная Россия, проделав сложный путь создания нового институционального дизайна и новой экономической модели, не прошла его до конца. В условиях глобальной экономики изоляция будет наносить непоправимый ущерб стране, разрушая то, что уже было создано.

Успешное развитие Европы и России возможно только при условии их интенсивного экономического сотрудничества и политической самостоятельности на внешнеполитической арене. Интенсификация экономических связей в рамках двухстороннего взаимодействия России и стран—членов ЕС снизит присущую ему рассогласованность, повысит уровень интеграции. Реализация совместных инвестиционных и высокотехнологических проектов, взаимодействие в области культуры и образования, повышение мобильности граждан будет способствовать нивелированию негативных стереотипов, конфронтационных установок в отношении друг друга, которые были сформированы в период изоляции сторон и оказались столь живучими, особенно в ситуации агрессивности внешней политики США, направленной на воспроизводство такого образа Москвы и Брюсселя в массовом общественном сознании граждан. Иначе говоря, у России и ЕС много общих направлений, которые определяют обширную повестку дня сотрудничества и партнерства и являются ключевыми для установления добрососедских отношений, по формуле если не «вместе», то «рядом».

На текущий момент наиболее остро стоит проблема обеспечения безопасности. И Европе необходимо начать движение в сторону создания общеевропейского порядка, усиления своих позиций в НАТО, использования инструментов превентивной дипломатии, снижающих значение военного фактора, создания разветвленной сети сотрудничества. Партнерство с Россией в создании общеевропейского порядка позволит сбалансировать влияние США, повысить политическое влияние ЕС как самостоятельного геополитического игрока, тем самым гарантирует плодотворное движение к многополярности.

Конечно, без решения украинского кризиса невозможен переход к иным проектам в совместной повестке дня России и Европы. А этот вопрос можно с уверенностью назвать самым болезненным, т. к. этот кризис проиллюстрировал, во-первых, последствия безответственного

поведения национальной политической элиты, игнорировавшей на протяжении последних двадцати с лишним лет цивилизационный раскол внутри Украины; во-вторых, зафиксировал пределы европейской интеграции на восточном направлении; в-третьих, поставил вопрос о возможности состыковки двух региональных интеграционных проектов.

Украина в силу своего геополитического положения оказалась зоной наложения периферийных интересов России и ЕС, у ее границ столкнулись два региональных интеграционных проекта (европейский и евразийский). Разрешению кризиса будет содействовать новая парадигма мирного взаимодействия, в основе которой должна быть заложена идея обеспечения стабильности в зоне «общего соседства». Как это ни парадоксально, но высказанная в середине XX в. Ш. де Голлем идея «Европа от Атлантики до Урала» на пике украинского кризиса является как никогда актуальной. Лидеры ключевых стран—членов ЕС (Франции, Германии) публично высказываются о перспективности и желательности выстраивания моста между ЕС и ЕАЭС.

В связи с этим решением украинского кризиса видится создание российско-европейского кондоминиума, что означает отказ обеих сторон от стратегии принуждения Украины к участию только в одном интеграционном проекте. Разработка действенной программы включения страны в пространства ЕС и ЕАЭС, с одной стороны, решит проблему сохранения Россией политического суверенитета в полном объеме и позиций ведущей державы в постсоветском пространстве, с другой — сделает ее частью европейской семьи, будет окончательно ликвидировано аффективное наследие «холодной войны», она перестанет восприниматься как враг или потенциальный агрессор. ЕС получит доступ на евразийский рынок, снимутся идеологические противоречия с Россией, усилятся позиции во взаимоотношениях с США (военно-техническая слабость обернется дипломатической и экономической мощью совместно развивающихся интеграционных пространств). Украина, в свою очередь, развивая отношения как с Россией, так и с Евросоюзом, сможет не просто в кратчайшие сроки восстановить свои экономические позиции, но предотвратить раскол страны по линии «запад—восток», грозящий ее исчезновением как суверенного государства и неуправляемым хаосом вблизи границ России и ЕС.

В заключение хотелось бы отметить: в современном глобальном мире большой ошибкой для России было бы в очередной раз попадаться в ловушку «европоцентризма». Да, Европа — важный сосед и партнер, но в современной мировой политике уже нельзя не учитывать фактор Китая и других развивающихся стран, в том числе стран БРИКС. Во многом благодаря этому фактору попытки воздействовать на Россию санкциями в 2014 г. так и остались «западными», а не стали глобальными, не привели к международной изоляции России. В условиях обострившегося противостояния России и Запада начала формироваться новая конфигурация мировой политики, где фактор Китая приобретает новое значение: выбор КНР в пользу многополярного мира, осуждение антироссийских санкций формируют его новый внешнеполитический курс, а отноше-

ния в треугольнике «США — КНР — Россия» генерируют значительное количество вариантов развития мировой политики [18]. В связи с этим предложение со стороны Китая принять России и ЕАЭС участие в таких инициативах, как «Один пояс — один путь», может создать принципиально новые возможности (как и новые риски) для развития отношений двух стран и для формирования новых приоритетов российской политики [22]. Все это не может не влиять и на характер отношений России и ЕС, причем такое влияние может находиться в широком спектре возможностей: от углубления конкуренции и конфронтации до появления новых моделей сотрудничества, предполагающих интеграционные проекты на евразийском пространстве с участием не только ЕАЭС и Китая, но и стран ЕС. В последнем случае сближение России и Китая могло бы принести странам Евросоюза очевидные выгоды, прежде всего за счет развития транспортно-экономических проектов на евразийском континенте. Рациональные доводы в пользу такого варианта формирования реальной политики существуют. Однако, к сожалению, далеко не только они определяют современную политику ЕС.

Литература

1. **Арбатова Н.** Россия и Европейский Союз: в поисках общей стратегии : доклад / Н. Арбатова, В. Рязков. М. : Комитет «Россия в объединенной Европе», 2006.
2. **Гнатюк Н. Н.** Политическая структура Европейского Союза в теоретическом дискурсе: между государственным и межгосударственным // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2014. № 3.
3. **Данилов Д. А.** Украина — НАТО // Евроинтеграция Украины: перспективы, последствия и политика России : сборник статей. М., 2015.
4. **Дилигенский Г. Г.** «Запад» в российском общественном сознании // Общественные науки и современность. 2000. № 5.
5. «Концерт великих держав» XXI века / под ред. А. И. Никитина. М. : МГИМО(У) : ИМЭМО, 2015.
6. **Коэн С.** Украинский кризис. Новая «холодная война»? // Свободная Мысль. 2015. № 3.
7. **Кукарцева М. А., Рябов Е. А.** «Восточное партнерство» и перспективы расширения Евросоюза // Обозреватель-Observer. 2014. № 3.
8. **Кулик С. А.** Россия — Европейский союз: о развилках «стратегического партнерства». М. : Институт современного развития, 2012.
9. **Курюкин А. Н.** Украинский кризис: внутренние механизмы и политические перспективы // Экономика и социум: современные модели развития. 2014. № 7.
10. **Левада Ю.** Советский человек и западное общество: проблема альтернативы // Он же. Статьи по социологии. М., 1993.
11. **Легволд Р.** Как справиться с новой холодной войной // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 3.
12. **Макаренко Б. И.** Консолидация демократии: «детские болезни» постсоветских государств // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2002. № 4.
13. Международные отношения. 07.04.2016. — <http://www.levada.ru/2016/04/07/mezhdunarodnye-otnosheniya-2/> (дата обращения: 03.09.2016).
14. **Никитин А. И.** Новая система отношений великих держав XXI века: «концерт» или конфронтация? // Полис. 2016. № 1.

15. **Никонов В. А.** Европейская интеграция и движение к единой Европе // Государственное управление. Электронный Вестник. 2015. Вып. 49.
16. **Офицеров-Бельский Д.** Стратегия и идеология в проекте ЕС «Восточное партнерство». — <http://www.foreignpolicy.ru/uploads/banners/3/Ofitserov-Belskiy%20D.%20Eastern%20Partnership.%20February%202014.pdf> (дата обращения: 03.09.2016).
17. **Пантин В. И., Лапкин В. И.** Политическое самоопределение российского общества // Общественные науки и современность. 2006. № 4.
18. Российско-китайский диалог: модель 2015 : доклад № 18/2015 / С. Г. Лузянин, Чжао (рук.) [и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : Спецкнига, 2015.
19. **Сергунин А. А.** «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурные коммуникации. 2010. № 1.
20. Страны Центрально-Восточной Европы в стационарной войне Запада против России: политические позиции и экономические последствия : доклад / под ред. Ю. К. Князева. М. : Институт экономики РАН, 2015.
21. **Тренин Д.** Одиночное плавание. М. : Центр Карнеги, 2009.
22. **Уянаев С. В.** Китайский проект «Один пояс — один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4.
23. Федерика Могерини о санкциях ЕС в отношении России. 08.02.2016. — http://eeas.europa.eu/top_stories/2016/80216_ru.htm (дата обращения: 03.09.2016).
24. **Хайнц Т.** Россия и Европейский Союз: развитие партнерства при разных ценностях // Мир перемен. 2005. № 4.
25. **Шаклеина Т.** Лидерство и современный порядок // Международные процессы. 2015. № 4.
26. **Якунин В. И.** Европейцы в поисках новой Европы // Власть. 2016. № 9.
27. **Ambrosio Th.** Authoritarian Backlash: Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union. N. Y. : Routledge, 2016.
28. EU Enlargement, Region Building and Shifting Borders of Inclusion and Exclusion / J. Scott (ed.). L. : Routledge, 2016.
29. **Naakkala H.** From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination on Long-Term Crisis in EU-Russia Relations // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23. Issue 1.
30. **Hermann R.** Perception and Image Theory in International Relations / L. Huddy, D. Sears, J. Levy (eds.). 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2013.
31. **Majone G.** Regulating Europe. L. : Routledge, 1996.
32. **Tsygankov A.** Russia's Foreign Policy. Change and Continuity in National Identity. Lanham : Rowman&Littlefield, 2016. ◆